

Раннее утро. Лёгкий ветерок проносится по комнате, снаружи едва заметно колышутся цветы — всё вокруг дышит спокойствием и умиротворением.

Но этот покой внезапно нарушает испуганный крик:

— А-а! Да что ты делаешь?! — взвыл от боли Гу Цзинцзэ.

Цзян Фэн, стоя у кровати с крайне раздраженным видом, обрушился на лежащего на ковре Гу Цзинцзэ с претензией:

— Какого черта ты делаешь в моей кровати?!

Гу Цзинцзэ, в котором кипели и гнев, и желание проучить наглеца, невольно повысил голос:

— Да ты глаза разуй! Это моя комната, и кровать тоже моя!

Цзян Фэна совершенно не волновало, чья это комната и чья кровать — его настолько вывели из себя выходки Гу Цзинцзэ, что он был не в состоянии мыслить здраво.

В сущности, стоило ему коснуться Гу Цзинцзэ, как рассудок отказывал, и он вспыхивал, словно порох.

Он отвернулся, натянул одеяло на голову и полностью проигнорировал протесты и оправдания Гу Цзинцзэ. Видя такое упрямство, Гу Цзинцзэ разозлился еще сильнее.

Он молниеносно вскочил с ковра, запрыгнул на кровать и всей тяжестью навалился на Цзян Фэна — всё это было сделано с отточенной грацией.

— Раз уж я здесь, то буду тебя обнимать. Попробуй только ударить меня! — выпалил он, и в воздухе отчетливо запахло порохом.

Цзян Фэн отчаянно пытался стряхнуть с себя этого паразита, но сколько бы сил он ни прикладывал, ничего не выходило. Пришлось покориться и позволить Гу Цзинцзэ хозяйничать.

Черт, да откуда у этого типа столько сил? Совсем не похож на человека из индустрии развлечений, скорее на дзюдоиста. Он вцепился так крепко, что это выводило из себя, но поделаться с ним было решительно нечего.

Настоящее воплощение принципа победы мягкостью над твердостью.

...

Цзян Фэну под одеялом стало не хватать воздуха, и он, сдавшись, откинул ткань и жадно вдохнул.

Придя в себя, он с досадой посмотрел на придавшего его Гу Цзинцзэ. Тяжело дыша, с раскрасневшимся лицом, он пробормотал:

— Слезай... Нет, хватит, я больше не буду с тобой играть...

Гу Цзинцзэ взял в ладони лицо Цзян Фэна, ставшее пунцовым, и прижался к нему:

— Хороший пёсик...

— Да, я хороший пёсик. Можно теперь ты отпустишь меня? — голос Цзян Фэна всё еще дрожал.

— Посмотрим на твое поведение. Поцелуешь меня — отпущу, — Гу Цзинцзэ не спешил, предоставляя выбор самому Цзян Фэну.

Поняв, что деваться некуда, Цзян Фэн протянул руки и крепко обвил шею Гу Цзинцзэ. Их дыхание смешалось. Цзян Фэн формально коснулся губ Гу Цзинцзэ — всего на секунду.

Как только поцелуй закончился, он тут же отвел взгляд, не желая видеть реакцию партнера:

— С-слезай уже, я признаю поражение, — заикаясь, произнес он.

Гу Цзинцзэ еще не успел опомниться от тепла на губах, как оно сменилось лишь легким ароматом клубники, витающим в воздухе.

Он подался вперед и принялся к щеке Цзян Фэна. Стоило ему вдохнуть запах, как он, подобно псу, учуявшему кость, пришел в восторг:

— Цзян Фэн! Ты же взрослый мужчина, а от тебя пахнет клубникой! Так сладко и вкусно!

Щеки Цзян Фэна вспыхнули еще сильнее. Со стыда и досады он оттолкнул того, кто лежал сверху, закутался в одеяло с головой и снова спрятался, как черепаха в панцире.

— Не твое дело! Кто, кто сказал, что от мужчины не может пахнуть клубникой? Хватит быть таким предвзятым... — слабо попытался оправдаться он.

Гу Цзинцзэ лег рядом и пробормотал:

— Но ты же боец, разве от тебя не должно пахнуть иначе?.. Разве это не заставит противника думать, что тебя легко уложить? — в его голосе не было насмешки, скорее беспокойство или просто праздное любопытство.

— Раньше пахло мужиком, доволен?! — раздался из-под одеяла полный стыда и ярости крик Цзян Фэна.

Гу Цзинцзэ тихо рассмеялся, обнял Цзян Фэна и погладил его по «шерстке».

— Ничего страшного, ты мне нравишься, даже если пахнешь клубникой.

Из-под одеяла вылетел локоть и угодил точно в бок, отчего Гу Цзинцзэ охнул, схватившись за грудь.

— Черт!

...

Глядя на заставленный розовыми вещами стол, Гу Цзинцзэ дернул уголком рта и позвал управляющего Юя, чтобы выяснить, почему всё вокруг вдруг стало клубничным.

— Господин Цзян любит это, вот я и приготовил, — управляющий Юй не стал оправдываться, напротив, в его голосе прозвучала едва уловимая гордость.

Гу Цзинцзэ указал на себя:

— А как же я? Неужели я не заслуживаю заботы управляющего Юя? — он выглядел в точности как ребенок, которому кажется, что родители обделяют его вниманием в пользу других.

— Ах, я не знал, что вы вернетесь так рано... На обед я обязательно приготовлю то, что любите вы.

— То-то же, — получив желаемый ответ, Гу Цзинцзэ перестал придирается. В конце концов, это лишь доказывало, насколько заботлив управляющий Юй по отношению к Цзян Фэну.

Прихватив лекарство и кучу «клубничных» лакомств, Гу Цзинцзэ поднялся наверх.

— Цзян Фэн, открывай, скорее! — он пнул дверь спальни ногой, с нетерпением подгоняя того, кто был внутри.

— У тебя рук нет?! — спустя мгновение из комнаты донесся раздраженный голос Цзян Фэна.

— У меня руки заняты... кормлением! — самодовольно ответил Гу Цзинцзэ.

...

В конце концов, Цзян Фэн не выдержал шума и отворил дверь.

— Давай сюда, — увидев, что руки Гу Цзинцзэ заняты едой, он невольно закатил глаза и предложил помочь.

— Подойди ближе, мне неудобно передавать.

Цзян Фэн, решив, что тот не лжет, медленно приблизился. Как только он протянул руку, Гу Цзинцзэ воспользовался моментом и чмокнул его.

Цзян Фэну в этот момент хотелось просто убить его. Он с нескрываемым отвращением начал тереть ладонь о дверной косяк, будто коснулся чего-то до ужаса мерзкого.

Гу Цзинцзэ проигнорировал реакцию Цзян Фэна и, как ни в чем не бывало, вошел в комнату.

Поставив вещи, он обернулся, посмотрел на человека, всё еще пытающегося оттереть руку, и поторопился:

— Перестань тереть, неужели всё так противно?

— Да, именно так противно! Противнее, чем все грязные трюки Ань Чэна! — рявкнул Цзян Фэн, обернувшись к нему.

Сердце Гу Цзинцзэ сжалось от острой, колючей боли. Он схватил Цзян Фэна за руку, потащил в ванную, выдавил мыло и принялся отмывать его ладонь.

— Если тебе это не нравится, я больше не буду... — его голос звучал подавленно, как у

выброшенного хозяином щенка — жалко и обиженно.

Цзян Фэн не ожидал, что Гу Цзинцзэ так легко признает свою неправоту. Он невольно сжал кулак, глядя, как Гу Цзинцзэ бережно натирает его руку. Тот действительно собирался прекратить, лишь бы избавить его от неприятных ощущений.

— У тебя такие грубые руки, столько мозолей, — Гу Цзинцзэ поглаживал кожу Цзян Фэна с еще большей нежностью, чем прежде.

Уши Цзян Фэна медленно залились краской, он инстинктивно отдернул руку, не желая, чтобы Гу Цзинцзэ продолжал.

— Н-не надо, — в голосе сквозила беспомощность и заниженная самооценка.

— Надо. Ты ведь сказал, что тебе противно, — Гу Цзинцзэ крепко перехватил его руку, снова намылил ладонь и продолжил мыть.

— Не противно, ты очень чистый, просто отпусти меня! — в глазах Цзян Фэна блеснули слезы, голос дрогнул и стал громче, выдавая потерю контроля над собой.

Гу Цзинцзэ замер. Он поднял взгляд и через зеркало встретился с Цзян Фэном. Поняв, что дело плохо, он освободил одну руку, взял Цзян Фэна за подбородок и заставил смотреть себе в глаза:

— Я сделал тебе больно? — голос его был мягким и встревоженным, он совершенно забыл о том, что Цзян Фэн — профессиональный боксер.

Цзян Фэн в панике оттолкнул его руку и, не проронив ни слова, поспешно вышел из ванной.

Гу Цзинцзэ остался стоять на месте, а в его сознании, словно слайды, одна за другой прокручивались картины растерянного, вызывающего жалость лица Цзян Фэна.

...

Он поднялся и вышел из комнаты, давая Цзян Фэну немного прийти в себя.

Вернувшись, Гу Цзинцзэ захватил тюбик крема для рук. Оглядевшись и не найдя Цзян Фэна, он догадался, где тот может быть, и направился на балкон.

Там он увидел Цзян Фэна — тот сидел в углу, опустив голову, и отрешенно смотрел на свою ладонь. Он был настолько погружен в свои мысли, будто весь мир вокруг перестал существовать.

Сердце Гу Цзинцзэ сжалось от горечи. Ему безумно захотелось обнять этого человека, избавить его от одиночества и боли.

— Цзян Фэн, — тихо позвал он.

Увидев Гу Цзинцзэ, Цзян Фэн дернулся, словно испуганный кролик, и спрятал руки за спину, не желая, чтобы тот заметил что-то странное.

— Ты... зачем пришел?

Гу Цзинцзэ подошел ближе. Видя, что тот больше не «взъерошивается», он наклонился и поднял Цзян Фэна на руки.

Цзян Фэн начал было сопротивляться, но Гу Цзинцзэ пригрозил, что поцелует его, если он не будет слушаться.

Цзян Фэн, злясь на самого себя, послушно позволил унести себя в спальню.

Усадив его на диван, Гу Цзинцзэ достал крем для рук и начал втирать его в кожу Цзян Фэна. Сначала тот сопротивлялся и ругался, но вскоре действия Гу Цзинцзэ утомили его пыл.

Дыхание Гу Цзинцзэ сбилось, он положил голову на плечо Цзян Фэну, продолжая втирать крем. Ему показалось, что этого недостаточно, и он выдавил еще немного.

Вскоре комната наполнилась ароматом клубники, создавая атмосферу двусмысленной близости.

Закончив, Гу Цзинцзэ повернул голову и поцеловал покрасневшее ухо Цзян Фэна.

Цзян Фэн вздрогнул, почувствовав щекотку, и испуганно прикрыл ухо рукой.

— Ты... ты! — снова вспыхнул он.

Гу Цзинцзэ рассмеялся, глядя на его испуганный вид:

— Что, я даже поцеловать не могу то, за что заплатил?

Цзян Фэн замер, опустив глаза. Он почувствовал, что неправ, и опустил руки. Его кулаки сжались, и, не зная, что ответить, он решил просто молчать.

Эти слова напомнили ему о том, кто он такой.

Он всего лишь вещь... вещь, с которой можно делать что угодно. Не стоит проявлять столько дерзости к тому, кто тебя купил, особенно если этот человек хорошо к тебе относится...

Больше нет бесконечных приказов, нет требований идти на смерть. Теперь вокруг него лишь спокойная жизнь, о которой он раньше и мечтать не смел. Но как долго продлится это счастье? Месяц? Два? Или до тех пор, пока он не восстановится, чтобы снова продавать свою жизнь?

Он этого не знал и никогда не узнает.

— Что такое? — Гу Цзинцзэ заметил, что он погрузился в раздумья, и хотя не хотел беспокоить его, почувствовал, что с Цзян Фэном что-то не так.

— Ничего. Ты прав, мне не следовало так себя вести... — голос его звучал настороженно и смиренно. Никакой прежней дерзости — именно то, что нужно Гу Цзинцзэ: послушная вещь.

Гу Цзинцзэ нахмурился. Сердце словно сжала невидимая рука. Он протянул ладони и взял лицо Цзян Фэна в свои руки.

Глядя в эти пустые, безразличные глаза, которые не находили себе покоя, он почувствовал, как рука на сердце сжалась еще сильнее.

— Цзян Фэн... — голос его звучал мягко.

— М-м, — послушный ответ, без единого намека на сопротивление.

— Ты не товар, понимаешь? То, что я сказал, было шуткой. Не принимай всерьез.

Ресницы Цзян Фэна дрогнули, в глубине глаз забрезжил слабый свет. Он сглотнул комок в горле и, приложив усилия, слегка растянул губы в угодливой улыбке:

— Хорошо...

Услышав этот ответ, Гу Цзинцзэ почувствовал какой-то странный привкус, но не стал углубляться — в конце концов, характер Цзян Фэна был непредсказуем: быстро вспыхивал, быстро гас.

Его легко успокоить, это не требует усилий.

— Теперь я могу тебя поцеловать? — это не было вопросом, скорее приказом. Возможно, Гу Цзинцзэ не вкладывал в это такого смысла, но Цзян Фэн воспринял именно так.

Пальцы Цзян Фэна побелели от напряжения, свет в глазах снова погас, оставив лишь бездонную пропасть.

Долгое время спустя он тихо и покорно выдохнул:

— Хорошо.

Гу Цзинцзэ не заметил перемены в Цзян Фэне — он был слишком ослеплен предвкушением, его сознание заиклилось на одном слове: «хорошо».

С мягкой, нежной улыбкой он склонился и коснулся губ Цзян Фэна. То самое долгожданное движение навстречу друг другу.

Кулаки Цзян Фэна сжались еще сильнее, тело слегка дрожало, а зубы были крепко стиснуты.

Гу Цзинцзэ почувствовал его страх и напряжение, решив, что тот просто не привык, и его голос, подобный воде, отозвался рябью в сердце Цзян Фэна:

— Открой глаза, посмотри на меня...

Цзян Фэн послушно открыл глаза. Нахлынувшая нежность, отраженная в чужом взгляде, вызвала странное покалывание.

Сердце бешено колотилось где-то в ушах.

— ...Не бойся, — это успокоение заставило Цзян Фэна медленно разрушить свои внутренние барьеры и подсознательно покориться.

<http://bllate.org/book/22362/2344617>